
БЛИЖЕ,
ЧЕМ БОЛЬ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Ксана М

Ксана М
Ближе, чем боль

https://litres.ru/74822094
SelfPub; 2026

Аннотация

Тейлор Маккейн привыкла прятать боль за сарказмом и делать вид, что прошлое не имеет над ней власти. Сейдж Торрес всегда был рядом: лучший друг ее брата, невыносимо красивый и опасно заботливый парень, которого ей нельзя было хотеть.

Но когда ее привычный мир рушится, именно он становится ее якорем.

Прошлое не исчезает так просто и вскоре начинает собственную игру. Только вот чем ближе герои подбираются к правде, тем страшнее становится цена. Потому что некоторые тайны, однажды вышедшие на свет, уже невозможно спрятать обратно.

* Вторая книга из цикла "Бобры Торонто" *

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ксана М
Ближе, чем боль

Глава 1

POV Тейлор

— Как насчет вечеринки в эту пятницу? Ты идёшь?

Захлопываю шкафчик и не моргая смотрю на возникшее за ним лицо подруги. Молли Аллен не может без перемен. Её длинные до попы волосы сегодня были выкрашены в зефирно-розовый. На ней был ошеломительный белый кроп-топ с надписью *#дерзкая*, который мы вместе купили в Йоркдейле на прошлых выходных, и черные обтягивающие тайтсы.

Эта красотка с легкостью могла бы украшать обложку глянцевого Вог, и уверена, была бы бешено популярна, но вместо этого отказывалась от предложений самых известных модельных школ, потому что хотела стать зоологом.

— Какой вечеринки?

— У Зака, дурёха. Ты что, забыла?

— Забыла. Но я пойду.

Если мой брат не прибьёт меня раньше.

— Значит и я пойду. Осталось придумать, что надеть.

— Собираешься наряжаться для Зака?

— Фу, конечно, нет. — Молли кривится, и я улыбаюсь.

— Но наш мистер *я-весь-такой-идеальный*выставил условие, помнишь? Никакого. Нижнего. Белья.

Да. Я отлично об этом помню. Он лично вручил мне приглашение и упомянул про этот несущественный, по его мнению, пункт. Красивый, умный, сексуальный. Капитан сборной университета. Кандидат на медаль. Будущая звезда регби. В Закари Уайте было идеально всё. Кроме одного. Его абсолютно неизлечимой влюбчивости.

— Придёте на сегодняшнюю игру?

Уайт будто почувствовал, что о нем говорят.

Улыбается, непринужденно приваливаясь плечом к стене, и я ощущаю резкий запах парфюма, исходивший от его форменной футболки.

— Я пас, — тут же ретируется Молли, — нужно готовиться к завтрашней контрольной по биологии.

Она терпеть не может регби, как, впрочем, и все виды спорта, в которых есть мяч и бегающий по полю парень, и ходит на игры в единственном случае — когда за это обещают дополнительный балл.

— Тейлор, — смотрит на меня, ожидая ответа.

Улыбается как умеет — сексуально, притягательно, смело.

От этой идеально отполированной улыбки готова свалиться в обморок половина девчонок в университете, но мы с Молли вероятно на девяносто девять процентов состоим из противоядия. На нас очарование Уайта, увы, не действует.

— Э-эм, не могу. Обещала брату, что посижу с племянницей, так что после занятий я занята. — вру, причем нагло.

Молли поджимает губы, сдерживая улыбку, потому что знает, что что-что, а четырехмесячного ребенка Майкл мне в жизни не доверит. Не то чтобы я была очень уж безответственной тетей, просто… мой брат был неимоверно помешан на контроле.

СЛИШКОМ помешан.

— Оке-е-ей. Но на вечеринке я подобных отговорок не приму. Придете сами, либо будете доставлены на неё сверхъестественными силами Закари Уайта! — кричит нам в спины, когда мы с Молли встраиваемся в поток роящихся в коридоре студентов.

— О нет, Фальк по курсу, — шепчет Молли, быстро разворачивая меня вправо.

Но поздно, потому что профессор по истории современного искусства и мой, скорее всего, будущий куратор, буквально ловит меня в коридоре прежде, чем успеваю сбежать.

— Тейлор, — зовет, и я обреченно прикрываю глаза.

Можно, конечно, сделать вид, что я не слышу, но боюсь, тогда хороших оценок за его предмет мне как своих ушей больше не видать.

— Да, профессор? — оборачиваюсь, натягивая самую обаятельную из своих улыбок.

— На минутку, — подзывает, поправляя свои огромные круглые очки.

Если надеть на него белый халат и слегка взъерошить его прилизанные гелем волосы, то он вполне может сойти за безумного профессора, который ставит над своими студентами эксперименты. И я бы предпочла пережить сотню разрушительных торнадо, чем провести хоть минуту наедине с Уилоуби Фальком.

Когда подхожу ближе, он протягивает мне стильный красный флаер, на котором черно-белым отпечатано: *«Бобры Торонто»*и до мурашек знакомый мне логотип.

— Я хотел обсудить с вами предстоящую игру.

— Но я не играю в регби.

— Да, но ваш брат, кажется, капитан, — замечает.

И всё-то он знает.

Впрочем, неудивительно.

Весь университет знает, так почему бы не знать Фальку?

— На недавнем собрании ректор Кэмпбелл поручил всем профессорам заняться развитием образовательной и культурной жизни студентов. Как вы знаете, я не сторонник насилия. — вновь нервно поправляет очки. — Но он настоял, чтобы спортивную часть взял на себя именно я, так как тренер Дойл ещё где-то недели три проведет в больнице.

После того, как получил травму, неудачно сплавившись на байдарках. Да, я помню. Ребята ходили навещать его всей командой.

— Ректор Кэмпбелл надеется на меня, Тейлор, а я, в свою очередь, очень надеюсь на вас.

И прекрасно понимаю, к чему он клонит, не дура, но не знаю, *как* объяснить ему, что ничего не получится. Мой брат и на милю не приблизится к университету Рейерсона. Не в качестве капитана «Бобров». И вовсе не потому, что без устали тренирует команду и не располагает и минутой свободного времени, потому что всё это время без исключения отдает малышке Спенс.

— Дело в том, профессор, что «Бобры Торонто» вовсю готовится к региональным, и я не думаю, что…

— Прошу вас, Тейлор. Выручите. — перебивает.

И смотрит таким жалобным взглядом, что все аргументы тут же рассыпаются в прах. Не то, чтобы это что-то меняет…

— Я обещаю вам самый высокий балл по моему предмету, только убедите Майкла Маккейна провести несколько тренировок для «Ястребов». — продолжает Уилоуби. — Это без преувеличения вопрос жизни и смерти.

Для меня. Наверное, он *это* имел в виду, потому как Майкл три шкуры с меня спустит, узнав, что я дала Фальку подобное обещание.

Но разве у меня есть выбор?

Когда отхожу, обещая профессору подумать, вся степень моей обреченности, вероятно, ясно читается по лицу, потому что Молли оглядывает сначала меня, а затем спину удаляющегося по коридору Фалька.

— Чего он от тебя хотел?

— Чтобы я убедила Майкла потренировать «Ястребов»,

— хмыкаю, сама удивляясь тому, насколько абсурдно это звучит.

Глаза Молли расширяются, потому что она прекрасно понимает, что это дохлый номер. Мой брат скорее съест жабу, чем ещё хоть раз согласится тренировать бестолковых сосунков, у которых в головах лишь секс, алкоголь и прочая, не имеющая ничего общего с регби, придурь. Это *его* слова. Но на самом деле я полностью их разделяю.

— Только не говори, что ты согласилась.

Встречаю немигающий взгляд подруги молчанием, которое итак говорит громче самых красноречивых слов. Согласилась. Добровольно нырнула в вязкое болото и теперь понятия не имела, как из него выбираться.

Глава 2

POV Тейлор

Со дня рождения малютки Спенсер, у которой, кстати говоря, я была крестной, Майкл буквально разрывался между домом, командой и мной. Мой брат, страдающий синдромом тревожной гиперопеки, наконец, переключил своё внимание на кого-то, кому *(пока что)*это нравилось, и не могу сказать, что не была этому рада.

Однако, был у этого и жирный, иногда до искр из глаз раздражающий минус. В те моменты, когда Майкл не мог контролировать меня *сам*, ему на подмогу приходил его лучший друг Сейдж, который порой бесил меня так, что я готова была его задушить.

Вот и сегодня он, как и вчера, ждал меня на парковке университета, зная, что это вновь вызовет во мне волну яростного протеста. Но разве его это волновало? Верно. Ни капли. Сейдж Торрес был скрам-хавом «Бобров», полузащитником схватки, координатором форвардов и гигантом под шесть с половиной футов. Нахальный, быстрый, проворный. Проще говоря — заноза в заднице, от которой я не могла избавиться вот уже долгих пятнадцать лет.

Приближаясь к толпе скопившихся у новенького спорткара визжащих от экстаза первокурсниц, замечаю, как он улыбается одной из них, параллельно расписываясь на её клю-

чице. Закатываю глаза, не понимая, как меня угораздило так вляпаться. Сосуществовать бок о бок с двумя знаменитыми на всю Канаду регбистами — то ещё испытание. Особенно, когда приходится терпеть стукнутых на всю голову фанаток, у которых от одного вида балбесов на автопилоте слетают трусики.

— Если ты всё ещё собираешься улизнуть, то это отличный шанс, — шепчет Молли, и я понимаю, что подруга права. Пока Сейдж увлечен раздачей автографов, я могу по-тихому смыться, оставшись, при этом, незамеченной.

Могла бы, не обладай придурок таким острым, как сокол, зрением.

— Эй, Бу! Иди сюда! — его улыбка становится шире, и он машет мне, подзывая.

Десятки горящих от ревности глаз моментально обращаются ко мне.

Я буквально чувствую, как они прожигают во мне дыру размером с Большой Каньон.

Я же — прожигаю ту же дыру в Торресе, потому что он отлично знает, как я не люблю, когда он зовет меня Бу.

— Созвонимся, — прощаюсь с Молли и, когда она кивает, шагаю в панургово стадо, гадая, что же *ещё*услышу о себе завтра. Каждая вот такая прилюдная сцена с Сейджем обычно заканчивалась новой порцией любопытных сплетен, на которые я привыкла не обращать внимания, но которые всё равно докучали.

— Простите, дамы, нам нужно ехать, — тактично разгоняет всех Техас.

И не без разочарованных вздохов обожательницы начинают медленно расходиться.

— Я не сяду к тебе в машину, — предупреждаю, когда он протягивает мой любимый шоколадный батончик, пытаясь меня задобрить. — И «Мистер Биг»[1]не поможет.

— Да брось, ты с ума по ним сходишь.

Бесит, что он так хорошо меня знает.

— Передай Майклу, что эти несколько часов я вела себя хорошо, и что к ректору его не вызывают, — пропускаю шпильку, потому что эти двое серьезно меня достали. — И ах да, Санта обещал, что не станет вносить меня в список непослушных деток в этом году. Так что свой подарок на Рождество я непременно получу.

— Меня прислал не Майкл, а Арло.

Моргаю, не сразу осознавая услышанное.

Я знала Арло. И знала достаточно хорошо. Когда мой брат только начинал свою спортивную карьеру, мне было тринадцать. Трудный возраст, который дался мне нелегко по большей части из-за смерти родителей. Майкл, не раздумывая ни на секунду, взял на себя всю необходимую ответственность. Взвалил на себя дом, папины дела, опекунство и собственную жизнь. Но самым трудным в то время экзаменом для него стала я.

Я прогуливала школу. Бунтовала. Сбегала из дома. И тво-

рила такие вещи, о которых стыдно даже вспоминать. Поэтому, чтобы иметь возможность хоть как-то свою непутевую сестру контролировать, Майкл начал брать меня с собой на тренировки. Готовя к играм команду, Арло приглядывал за мной, зная, через что мы с братом проходим. Я многому научилась у него. А ещё именно *он* впервые дал мне понять, *насколько* важна семья и сколько всего делает для меня Майкл. Конечно, это едва ли всё поменяло, но…

— Может он имел в виду моего брата? Если что, наши фамилии похожи.

— Ха.

Идиотское восклицание Сейджа каждый раз выводит из себя.

— Ты можешь успокоить и Арло тоже. Я в порядке.

— Садись в машину, Лори.

— Я не поеду в клуб.

— Я не стану торговаться с тобой. Садись, или я впихну тебя в салон силой.

От прежней непринужденности скрам-хава «Бобров» не остается и следа. Впрочем, это мало меня удивляет. Придурок обожает приказывать. В этом они с Майклом похожи, как две гребаные капли воды.

Я не боюсь Сейджа. Более того, спорить с ним доставляет мне ни с чем несравнимое удовольствие. Но Арло был и остается важным для меня человеком. Так что я засовываю свою гордость в заднюю дверь и, закатив глаза, залезаю на

переднее.

Пока придурок обходит машину, включаю радио и сразу же нарываюсь на песню группы «*Rock Playlist Masters — Highway to Hell*». Делаю громче, зная, как Сейдж терпеть не может подобную музыку. Его зона комфорта — это саундтреки к диснеевским мультфильмам, так что всё, что хоть отдаленно напоминает рок, вызывает у него изжогу.

— Лори, черт, — рычит, хлопая дверцей.

Тянется к бегунку, уменьшая громкость, а затем смеряет меня гневным взглядом.

Жму плечами, делая вид, что всё так и было, и я здесь вообще не причем.

Но, конечно же, Торрес мне не верит.

— Вот, Никки просила передать, — достает из бардачка крафтовую коробку, перевязанную бирюзовой лентой, и протягивает её мне.

Губы расплываются в улыбке, потому что догадываюсь, что там внутри. Да и этот сладкий, сводящий с ума запах, перебивает все остальные ароматы в салоне. И даже парфюмированный ароматизатор Сейджа уже не кажется таким привлекательным на фоне ванили и фруктов, за которые я вот уже год как готова продать душу.

Забеременев, Никки увлеклась выпечкой капкейков. Потрясающих, если честно. Мы все подсели на них, а я, кажется, даже умудрилась прибавить пару лишних килограммов, от которых никак не могла избавиться. Если бы не забота о

дочери, которой Монро отдавала всё своё время, она совершенно точно разбогатела бы на этих чудо-пирожных, клянусь.

К тому моменту, как паркуемся у Клуба, уничтожаю почти всю коробку. Остается один капкейк, который объективно просто в меня не влезает, поэтому, поразмыслив секунду, протягиваю его Сейджу.

— Хочешь?

Торрес, самый отъявленный маньяк сладкого, которого я знаю, обычно уплетающий что-то подобное за обе щеки, хмурится и отворачивается.

— Нет.

— Ты не заболел? — моргаю, машинально прикладывая ладонь к его лбу. — Сейдж, по-моему, у тебя температура. Хочешь пироженку?

— Доедай и пошли. Арло ждет.

И только хочу съязвить по поводу его голодного взгляда, которым он пожирает последний капкейк, как до меня вдруг доходит истинная причина его отказа.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько ты прибавил? Тебе ведь прилетело от Хьюза, верно?

Его молчание говорит намного красноречивее слов. Неосознанно представляю потерянное и несчастное лицо Торреса, когда весь тренерский штаб сажает его на диету пе-

ред важной игрой, и заливаюсь громким, неконтролируемым смехом. Сейдж хмурится и выходит из машины ещё до того, как меня спазмом скручивает истерика.

— Ты раздобрел! — вываливаюсь из салона, как припадочная держась за живот.

— Я прибавил всего три килограмма, ясно? Пара тренировок, и всё вернется в норму.

Уверена, что так и будет, но не могу удержаться, чтобы не подшутить.

— А я говорила, что твоя любовь к сладкому до добра не доведет. Сколько капкейков ты поглощаешь в день? Две коробки? Три?

Техас ставит спорткар на сигналку, а затем любезно пропускает меня вперед.

Решаю, что обязательно поиздеваюсь над ним позже.

Такую возможность никак нельзя упустить.

Уже перед кабинетом тренера «Бобров» меня окончательно отпускает.

— Да, Митч, это отличная идея, я уверен, — слышу, приоткрывая дверь после вежливого стука. Арло жестом показывает, что закончит через минуту, а затем кивает на кресло за огромным дубовым столом. — Потому что я ей доверяю, и это ключевое. Я обязательно сообщу тебе. Да. До связи.

Арло заканчивает разговор, а затем улыбается так широко, что я замечаю залегшие в уголках его глаз морщинки.

— Мне кажется или ты снова чертовски сильно повзрос-

лела?

— За два месяца? Вряд ли, — хмыкаю, но меня уже без спроса заключают в самые теплые медвежьи объятия, по которым, как оказалось, я тоже сильно скучала.

— Два месяца? А ощущение, что я не видел тебя с тринадцати.

— Мы виделись на празднике Спенсер.

— Малютка Спенс, верно! Ну так как, быть крестной мамой не так страшно, как ты себе представляла?

Улыбаюсь, потому что после гибели папы именно Арло стал для меня тем самым человеком, к которому я, не раздумывая, бежала за советом. Так случилось и в тот день, когда Никки предложила мне стать крестной. Я испугалась. Действительно очень сильно испугалась. Взять на себя подобную ответственность — не то же самое, что выбрать кому-то по своему вкусу туфли. Стать духовным наставником для кого-то столь невинного, когда ты сама ещё не встала на правильный путь? Дико, верно? Только вот Арло был иного мнения. Он сказал, что это мой шанс обрести, наконец, себя. Потому что только, когда мы чувствуем себя в ответственности за кого-то, наше сознание переворачивается на триста шестьдесят. Только в том случае, когда нам есть, чьи интересы стать выше собственных.

— Ей всего четыре месяца, но, кажется, она слишком похожа на меня.

Арло разжимает объятия и, запрокинув голову, начинает

громко и непринужденно смеяться.

— Я рассчитывал на это, — весело подмечает Хьюз, открывая мини-холодильник и доставая оттуда две жестяные банки с колой. Не спрашивая, протягивает одну мне, потому что знает, что ещё больше, чем шоколад, я обожаю газировку. — Как твоя учеба в Рейерсоне? Уже выбрала место стажировки?

— Пока нет. Но нам нужно определиться до конца следующей недели.

— Есть варианты?

Кривлю губы, потому что из тех мест, куда берут с моего литературно-журналистского факультета, меня более или менее не тошнит лишь от журнала про моду. Но я не хочу писать про брендовые сумки только потому, что вижу себя в чем-то большем. Хотя вряд ли это *«большее»*сидит и ждет, пока я его найду.

— Что, всё настолько плохо?

— Скажем так, я ещё в поисках.

Арло обходит стол, но затем возвращается ко мне и встает рядом, засовывая руки в карманы спортивных брюк.

— Слушай, Лори, я тут подумал… что, если тебе поработать пока у нас?

— *У вас?*— моргаю, кажется, машинально вскидывая брови. — В смысле кем-то вроде со-тренера? — отшучиваюсь, но Арло остается серьезен.

— Я имею в виду должность редактора в журнале «Спорт

Ньюс»[2]. Ты могла бы вести колонку про регби, рассказывая о достижениях ребят, о спорте в принципе. По-моему, это отличная возможность набраться опыта, совмещая при этом практику и учебу.

Так-то оно так, но…

— Арло, я никогда в жизни не писала для издающихся журналов.

— Это твой шанс начать, — смотрит с такой надеждой, что вместо того, чтобы отказаться, просто молча открываю рот.

У меня много причин сказать *«нет»*. Ноль компетенции и ограниченные знания — главные из них. Одно дело проходить практику в журнале о моде, быть, не знаю, каким-нибудь помощником редактора на побегушках, но совсем другое — вести собственную колонку. Да ещё и в таком крупном издании, как «Спорт Ньюс».

Убедить Арло в том, что я — паршивая кандидатура мне, в любом случае, не удается. Но спасибо ему за понимание, он дает мне время подумать.

Выйдя из кабинета, спускаюсь в холл, обнаруживая Сейджа у автомата со снеками. Когда ровняюсь с его внушительной тушей, он как раз оплачивает эмемдемс.

— Тебе нельзя сладкое.

— А тебе колу. — выдает, вскрывая пачку драже и демонстративно закидывая в рот несколько штук. — Ты знаешь, сколько в ней сахара и кислоты?

— А ты в курсе, что её изобретатель — фармацевт? — парирую, выбрасывая пустую банку в урну. — И что изначально напиток позиционировался, как средство от морфиновой зависимости, гастрита, импотенции, головных болей и нервных расстройств.

Снимая машину с сигнализации, Сейдж удивленно приподнимает брови.

— Что? Я читала научную статью.

— Ты сказала *импотенция*.

— Сказала.

— Больше не говори, не то вымою тебе рот с мылом.

— Сейдж, мне не двенадцать, я знаю всё про пестики и тычинки, — закатываю глаза, но здоровяка, похоже, это злит лишь сильнее.

— Я предупредил, Лори. Следи за чертовым языком. — захлопывает дверь с моей стороны, а ровно через шесть секунд — со своей.

— А думать можно? — невинно моргаю, понимая, что своим неумением вовремя замолкнуть часто довожу Торреса до ручки. Ну и плевать. Он тоже меня доводит.

— Нет.

— У меня есть парень, и я давно не девственница, — напоминаю.

И, кажется, зря.

Его пальцы сжимают руль с такой силой, что, кажется, тот вот-вот разлетится в щепки.

— Ты про того мудака, что рекламирует стринги?

— Трой не мудак. И мы встречаемся уже восемь месяцев, Сейдж, пора, наконец, это принять.

То, как Торрес стискивает челюсть говорит о многом.

Он никогда не примет Троя так же, как и мой брат.

Потому что оба считают, что ни один в мире парень меня не достоин.

Глава 3

POV Тейлор

Выскальзываю из постели и на цыпочках крадусь в ванную, чтобы почистить зубы и причесаться, не потревожив сон Троя. Он вкалывал на студии без малого целую ночь, и это после изнурительной почти четырехчасовой тренировки в зале и съемок для предстоящего каталога.

Мой парень — модель нижнего белья от «Кельвин Кляйн» и начинающий актер.

Незадолго до рождения Спенсер ему предложили одну из ведущих ролей в самом ожидаемом остросюжетном триллере от студии «Шефтсбери» по версии «ИндиВайр», и, конечно же, он не стал упускать шанс. Последующие месяцы стали для нас испытанием. Но я была счастлива за Троя, правда. Осуществить свою мечту, найти, наконец себя — важно. Поэтому как бы тяжело нам ни было, я выбрала поддерживать его на каждом этапе пути.

Выйдя из ванной, бросаю взгляд на часы — почти два. Выключаю режим самолета и отправляю сообщение Молли, чтобы подруга не волновалась, потому что неугомонная уже оставила мне кучу голосовых. Что как будто бы даже естественно, учитывая, что я так и не явилась на занятия, решив провести сегодняшний день с Троем.

Мы не живем вместе, но время от времени друг у друга

ночуем. В основному меня, так как, по мнению моего парня здесь просторнее и добираться до студии проще. Ну ещё бы. Майкл оставил мне свой чертовски охренительный пентхаус с видом на центральную набережную Торонто площадью не меньше четырех тысяч квадратных футов[3]. Две шикарные спальни, огромная гостиная, совмещенная с кухней, и восхитительная зала с панорамными окнами и выходом на лоджию. Иногда я и сама здесь теряюсь.

Успеваю достать из холодильника яйца и поставить на разогрев духовку буквально за минуту до того, как мобильник на столике сообщает о настойчивом вызове. Хорошо, что я додумалась включить вибрацию, иначе трель звонка точно бы разбудила Троя.

— Ты снова делаешь это? — слышу, едва прислонив динамик к уху.

— Если под *этим*ты подразумеваешь проводить время со своим парнем, то да. Я снова делаю это.

— Я имею в виду ты снова прогуливаешь пары, — вздыхает Молли. — Меня трудно назвать прилежной студенткой, но даже я стараюсь не наживать себе подобных проблем.

— В последнее время мы с ним редко бываем только вдвоем, — пытаюсь хоть как-то оправдать то, за что за подобные выходки меня действительно могут исключить.

— Поэтому именно *ты*жертвуешь своим будущем в то время, как твой парень продолжает жить в своё гребаное удовольствие? В твоей, между прочим, квартире.

— Формально это квартира Майкла…

— Это неважно, Тейлор. — злится. Я всегда чувствую, когда она делает это, у Молли мгновенно меняется интонация. — Важно то, что пока *ты* ищешь возможности, Трой Джонсон пальцем о палец ударить боится, потому что не приведи Господь по глупости лишиться сладкой глянцевой жизни, популярности и денег.

— Всё не так, — поджимаю губы, в очередной раз защищая Троя. — Ты ведь толком не знаешь его. Вы виделись лишь дважды и не проговорили друг с другом и двух минут!

— Мне было достаточно и одной, чтобы понять, какая он самовлюбленная задница.

— Молли!

— Ты знаешь моё к нему отношение, Лори, прости.

Знаю, да. Но продолжаю защищать всегда и перед всеми, потому что вижу в нем и хорошее.

— Я позвоню тебе после занятий.

Когда Аллен отключается, откладываю мобильник в сторону и глубоко вдыхаю. Так происходит каждый раз, когда разговор заходит о Трое. С Молли. С Майклом. С Сейджем. Не важно. Каждый из них считает, что имеют чертово право судить меня.

— У тебя ещё молоко на губах не обсохло, Лори, — кривляясь, парадирую брата, а затем грубо разрезаю авокадо вместе с косточкой, оставляя на доске зарубку. — В те годы, когда я имел эту жизнь, ты ещё пешком под стол ходила. Черта

с два это так, Майкл! Ты будешь удивлен, но я тоже что-то в этой жизни понимаю! — выковыриваю лишнее из любимого плода и, нажав педаль ногой, выбрасываю в урну.

Стараюсь дышать, сосредотачиваясь на завтраке, и через какое-то время ловлю себя на мысли, что успокаиваюсь. Выбиваю яйца в половинки, солю, перчу и отправляю свой кулинарный шедевр в духовку. *Сто восемьдесят градусов. Пятнадцать минут.* Всё, как учила меня Никки. К положенному времени кухню наполняет потрясающий запах еды и свежесваренного кофе, на который и приходит Трой.

Его руки нежно обнимают меня сзади, и я с улыбкой прикрываю глаза.

— С пробуждением, — шепчет мне в ухо, а затем целует в шею.

— С пробуждением, — растекаюсь, как глазунья на сковородке.

Разворачиваюсь к своему парню и ловлю его поражающие электричеством зеленые глаза. Трой Джонсон был потрясающе красив. Как сошедший с обложки журнала греческий Бог, разве что только не настолько широкоплечий.

Замечая, что кроме белья на моем парне больше ничего нет, прикусываю губу и обвиваю его шею руками. Развратные мысли не заставляют себя ждать. *Ох, знал бы о них Сейдж, вымыл бы мне с мылом не только рот…*

Вдыхаю знакомый запах белого мускуса, амбры и жасмина, исходящий от его кожи, а затем бросаю взгляд на светлые

волосы, влажные, как после…

— Ты был в душе?

— Конечно, детка, я был в душе, — хмыкает Трой, и всё моё игривое настроение улетучивается. — Ты ведь не хочешь, чтобы после сна от меня пахло, как от грузчика?

— Нет. Но я думала, что мы сходим в душ вместе.

И лишь сказав это, замечаю, как моментально меняется его взгляд.

Пальцы Троя, до этого сжимающие мои бедра, отпускают их.

А затем он отходит от меня на расстояние, сказавшее мне всё без слов.

Восемь месяцев — достаточный срок для того, чтобы изучить чьи-то повадки.

— Прости, детка, я не могу.

— Не можешь?

Я не глупа и понимаю, что означает его виноватый взгляд, но молчу, потому что хочу услышать всё от него.

— Энди позвонил. Мне нужно приехать в студию через час.

Класс.

— То есть твой агент позвонил тебе через восемь часов после того, как вы закончили, чтобы сообщить, что твоего единственного выходного не будет? — злюсь.

Конечно, я злюсь. А вы бы не злились?

Трой протягивает ко мне руки, но я отталкиваю их.

— Детка, ну хватит. Это моя работа, пойми. Я не могу проигнорировать съемки, все ведь на меня рассчитывают.

— И я, Трой, — говорю тихо, — я тоже на тебя рассчитываю.

Понимая, что разговор в подобном ключе не имеет смысла, бросаю что-то вроде *«твой завтрак в духовке»*, а затем хлопаю дверью в ванную и включаю душ. Не знаю, на что рассчитываю, но, наверное, как маленькая девочка хочу, чтобы он вошел ко мне, успокоил, обнял и поцеловал. Сделал хоть что-то, чтобы доказать, что небезразличен. Что я нужна ему. И что, вопреки всему, я важнее дурацкого фильма и чертовым модельным съемкам, которым он отдает всё своё время. Но этого не происходит. Я принимаю душ в абсолютном одиночестве и практически мертвенной тишине, которую нарушает разве что только шум капель, падающих о пол кабины.

Когда выхожу, квартира встречает меня ничуть не изменившийся тишиной. Кажется, что, если бы мимо меня вознамерилась пролететь муха, я бы непременно оглохла.

Выдыхаю, замечая выключенную духовку, нетронутый и уже остывший завтрак на столе и небрежную записку рядом:

«Дал тебе время успокоиться.
Трой».

Сминаю клочок бумаги и выбрасываю его в урну вместе с содержимым формы, которое ещё полчаса назад должно

было стать началом нашего необыкновенного дня.

***

— Так что, ты уже согласилась на предложение Арло?

Отрываюсь от тарелки со спагетти и поднимаю взгляд.

Мой старший брат упорно делает вид, что с аппетитом поглощает свой белковый салат, лишь поддерживая между нами разговор, хотя на самом деле с замиранием сердца ждет моего ответа. *Ну, конечно. Кто бы мог подумать.*

— Мне стоило сразу догадаться, что ты приложил к этому руку, — сужаю глаза, вынуждая Майкла нервно хмыкнуть.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ты не умеешь врать. И так уж вышло, что я вижу тебя насквозь.

Он неопределенно жмет плечами и запихивает в рот огромный кусок индейки. А в моей голове понемногу начинает складываться пазл.

— Тебе мало одного Сейджа в помощниках, решил приставить ко мне ещё и Арло?

— Что за чушь, Лори? Я просто порекомендовал ему твою кандидатуру. Ты ведь учишься на журналиста, разве нет? Мечтаешь быть редактором в каком-то там журнале. Так вот, это отличный шанс набраться опыта. К тому же я узнавал, университет Рейерсона, несмотря на свою превосходную репутацию, не предоставляет ни одного стоящего места. Ты не

получишь предложения лучше, чем работа в «СпортНьюс».

И с этим очень трудно спорить.

— Допустим. Но что, если я подведу и издание, и Хьюза? Об этом ты подумал?

— Не подведешь.

— Ты не можешь этого знать.

— Но знаю. Потому что ты — Маккейн. А мы всегда идем до конца.

Маккейн, вот только удочеренная. Во мне не течет та же самая кровь.

Не произношу этого вслух, но мой брат с успехом читает всё по взгляду. Хмурится, а затем встает, с шумом забрасывая тарелку в посудомойку. Прикрываю глаза, понимая, что снова разочаровываю Майкла. Потому что снова не принимаю ту жизнь, которая не является на сто процентов моей. Мой организм отторгает её, как что-то инородное. Выталкивает из души и сердца. И это нормально, разве нет? Так и не смириться с тем, что многие годы жила во лжи? Не по щелчку гребаных пальцев.

— Слушай, мне просто нужно время…

— Разве любви, которую ты получаешь, недостаточно? — вновь несправедливо душит. — Неужели твои биологические корни важнее того дома, который у тебя есть?

— Дело не в любви или доме, Майкл. А в том, что я не знаю, кто я!

— Маккейн, — рычит уже, наверное, в миллиардный раз.

— Дочь Оливии и Оуэна и моя сестра. Вот, кто ты, Тейлор. И кем была всегда.

Выдыхаю при упоминании о родителях.

Я скучаю по ним, несмотря ни на что. Скучаю до дрожи в коленях и соленых слез из глаз. Мне хочется вновь раствориться в теплых папиных объятиях, услышать мамин смех и ощутить её мятно-сладкий запах. Хочется, чтобы всё вновь стало, как раньше. Как было ДО несчастного случая и чертовых бумаг, перевернувших мою жизнь на триста шестьдесят, но так и не вернувших её в исходную.

— Я пытаюсь разобраться, — поднимаюсь, желая защититься, но больше напоминаю просящую о помощи раненую лань. — Тебе не понять, какого это, когда весь мир, который ты знал, рушится, а ты стоишь и абсолютно ничего не можешь с этим сделать.

— Да, мне не понять, — Майкл говорит тихо, но бьет при этом сильнее взрывной волны. — Не понять, черт возьми, но я тоже прошел через ад, Лори. Когда я потерял сестру, мне было восемь. Когда погибли родители — пятнадцать. Я был испуганным мальчишкой с маленькой не менее испуганной девочкой на руках, которую должен был во что бы то ни стало защитить. Снова. — добавляет, наконец, поднимая на меня взгляд. — На мне снова лежала гребаная ответственность за ребенка, а я не знал, справлюсь ли.

— Но справился, — еле шепчу. — Ты был и остаешься лучшим старшим братом, о котором я только могла мечтать.

И ты уже сделал для меня больше, чем я заслуживаю.

Он долго смотрит мне в глаза прежде, чем вновь отворачивается, захлопывая дверцу посудомойки.

— Видимо, всё же недостаточно, — говорит скорее себе самому, а я не успеваю его сомнения развеять. Майкл разворачивается и выходит из дома прежде, чем нахожу, что сказать. А затем садится в свой мустанг и, срываясь с подъездной дорожки, скрывается за ближайшим поворотом.

Падаю обратно на стул и стону, обессилено роняя голову на дубовую поверхность.

— У команды сегодня важная тренировка. Не принимай на свой счет.

— Я ужасная младшая сестра, — скулю, признавая, что вновь облажалась.

— Ты просто запуталась. Тебе нужно время.

Когда поднимаю взгляд, Никки стоит всего в нескольких шагах от меня и звенит забавной погремушкой у личика моей племянницы.

Она всё слышала. Была свидетелем того, как я в очередной раз обидела самого близкого для меня человека. И почему? Потому что до сих пор не в состоянии была справиться. Майкл прав. Мне трудно. Трудно принять, что родители, которых я знала всю свою жизнь, мне не родные. Что на самом деле все эти годы они искали во мне девочку, которой я никогда не была. И что мой брат чувствовал вину за тот*случай*каждый раз, когда что-то случалось *со мной.*

Может быть, поэтому я всю жизнь куда-то бегу?

Потому что ощущаю, что моё место на самом деле не здесь?

— Ты должна меня ненавидеть.

— За то, что ты пытаешься свыкнуться с реальностью, о которой понятия не имела? — вскидывает брови Никки. — Или за то, что тебе всю твою сознательную жизнь лгали? О, или, может, за то, что мой муж абсолютно и безнадежно упрям?

Моргаю, ловя себя на мысли, что моему брату охренительно повезло с женой. Никки идеально ему подходила. Во всем. При всей своей твердости, она была самым мягким человеком, которого я знала. Она успокаивала его природу. И ей удавалось каким-то образом совладать с моей. Если я была ураганом, то Мак — торнадо. Мы постоянно сталкивались, и это рождало хаос. Удивительно, как похожи мы были, учитывая, что на генетическом уровне нас не связывало ничего. И даже боюсь представить, чем могла бы кончиться наша война, не появись однажды на нашем пороге Никки. Она сплотила нас. Стала необходимым напряжением, благодаря которому мы как магниты тянулись друг к другу, несмотря на непрекращающиеся и по сей день ссоры.

— Почему ты такая хорошая?

— О, я вовсе не такая, — улыбается, и корчит смешную рожицу, вынуждая Спенсер рассмеяться. — Просто мне хорошо известно, через что ты сейчас проходишь. Наши исто-

рии похожи. С одним единственным, но важным отличием. — шепчет, на мгновение задерживая на мне свой взгляд. — Твой брат любит тебя по-настоящему бескорыстно.

В отличие от родного дяди Никки, который много лет использовал её в качестве инструмента для получения денег. Да, это так.

Спенсер смешно кряхтит, и я поднимаюсь, протягивая к племяннице руки.

— Я подержу её. Отдохни.

— О, я схожу в душ, если ты не против, — выдыхает, с облегчением передавая мне кроху. — Твой брат превосходный отец, но в последнее время я всерьез переживаю о том, что моя дочь научится забивать попытки раньше, чем ходить.

Как только беру малютку на руки, сердце мгновенно пропускает удар. Стоит Спенсер лишь сосредоточить на мне свои маленькие голубые глазки, как я забываю обо всех тревогах. И кажется, что мир вокруг становится намного светлее.

— Майкл остынет. Дай ему пару часов.

Киваю, а затем выдыхаю, когда маленькая копия моего брата будто в подтверждение этому с улыбкой обхватывает мой указательный палец.

Глава 4

POV Тейлор

Тем же вечером мы с Майклом миримся. Я дожидаюсь его с тренировки и бросаюсь в его объятия ещё с порога. Просто обнимаю и крепко-крепко прижимаюсь, изо всех сил цепляясь в худи с другой стороны. В тот момент я полностью готова к тому, что он захочет меня оттолкнуть, но вместо этого двухсотфунтовый капитан канадских «Бобров» сбрасывает на пол сумку и стискивает меня в широком кольце своих рук.

Мы говорим практически до середины ночи. Наверное, впервые так открыто и честно, без каких-либо недомолвок и тайн. Я признаюсь ему во всех своих страхах, делюсь сокровенным, а он заверяет, что убережет меня от каждой тревоги, каждого неправильного выбора. Так же бережно, как уберегает всегда.

Становится легче. Пускай это временный эффект, как и от любого успокоительного, но необходимый, чтобы собраться с силами и всё обдумать.

А ещё сказать то, что сказать боишься.

— Тренировка?

— Пара тренировок, — поправляю Майкла, виновато прикусывая губу.

— Тейлор, ты ведь знаешь…

— Да-да, ты терпеть не можешь учить тупых качков иг-

рать в регби, которое они совершенно не воспринимают всерьез. Я знаю. Но Фальк застал меня врасплох. Ты бы видел его жалобный взгляд, боже. Можно подумать, что для него это действительно вопрос жизни и смерти.

— Он так и сказал?

— Ты ведь знаешь, я не склонна преувеличивать.

Майкл усмехается, а затем наклоняется и целует меня в висок.

— Скажи, что я заскочу к нему на неделе, чтобы всё обсудить.

— Правда? — даже глаза от удивления расширяю. — То есть, ты на меня не злишься?

— Думаю, что пару тренировок с университетскими «Ястребёнками» я как-нибудь переживу, — хмыкает он. — К тому же, не можем же мы бросить беднягу Фалька в беде. Вдруг у него в самом деле решается судьба?

Ради меня. Я знала, Майкл делает это *ради меня*. Снова. Как и всегда.

— Скажи мне честно, ты действительно прогуляла пары? — спрашивает он так неожиданно, что на мгновение я даже забываю, что мне следовало бы дышать.

Как? Ну КАК он это делает?

То есть, у меня на лбу ведь нет кричащей ярко-красной таблички, да?

И опять — соврать было бы проще, но буквально вывернув друг перед другом душу, мы договорились, что постара-

емся больше друг другу доверять.

— У Троя сегодня должен был быть выходной, — отвечаю честно. — Я хотела провести этот день с ним.

— А в итоге?

Плотнее закутываюсь в плед, потому что при воспоминаниях о ссоре с моим парнем, каждую клеточку сковывает жуткий, липкий холод.

— Он уехал на съемки, сказав, что команда на него рассчитывает.

Майкл некоторое время молчит, будто с умом и осторожностью подбирает слова. Он терпеть не может Троя. Считает актерство профессией не для мужчин. Но больше всего оперирует тем, что Джонсон совсем не тот, кто мне нужен. Потому что вся его суть — трусость. Так что он без колебаний и угрызений совести первым сбежит с тонущего корабля, если представится случай. И плевать ему на команду.

— Это твоя жизнь, Лори. Целиком и полностью только *твоя*. — шепчет, а я упускаю тот момент, когда вновь оказывается рядом и опускается рядом на корточки. — Большую часть своего времени я — мудак, который этого не понимает. Который никак не хочет свыкнуться с мыслью, что тебе уже давно не восемь. Но я точно знаю, что сколько бы тебе ни исполнилось — двадцать, тридцать, пятьдесят — я всё равно буду волноваться за тебя так, будто ты всё ещё та маленькая девочка, что просит меня заплести ей два хвостика по бокам. А ещё коробками лопает конфеты.

— Я и сейчас их коробками лопаю, — тихо усмехаюсь.

— Кое-что не меняется даже с годами, — произносит, задевая указательным пальцем кончик моего носа, как делал всегда в мои восемь. Ни упрека. Ни намека на то, какая я глупая, безответственная, и сколько ошибок совершаю. Просто любовь: искренняя, важная, заботливая.

— Майкл, я… давно хотела тебя попросить…

— Что-то важное? — спрашивает он.

Его взгляд из игривого становится серьёзным: он готов меня слушать. Но на этот раз я медлю. Отвожу в сторону глаза и прикусываю губу, пытаясь понять, *как*ему ответить.

— Ты можешь просить меня, о чем захочешь. — шепчет он, вновь опускаясь рядом со мной на диван. — Лори?

— Я… не хочу, чтобы ты подумал, что мне мало того, что ты мне дал. Ты всегда будешь моим братом. Я всегда буду любить родителей. Но…

— Ты хочешь знать, кто ты, — произносит он слова, которые я сама никак не могла найти в селе смелость сказать.

— Это странно?

— Нет.

— Значит, расскажешь?

Я вновь сосредотачиваю на Майкле свой взгляд. Кажется, словно в этот момент сердце останавливается и камнем валится в пятки. Мне трудно дышать. А тело прошибает озноб. Я не знаю, как объяснить свою тягу к собственному прошлому, но без него, кажется, что я просто не смогу быть собой.

Это как собрать пазл и понять, что один элемент из тысячи утерян. Картина вроде бы есть, но не полноценная. Не такая, какой должна была бы быть, будь этот элемент на месте.

— Мы ведь уже говорили об этом. Я и сам мало что знаю. А то, что знаю, уже тебе рассказал.

О той другой Тейлор, да. О родителях. Об их жизни ДО меня. Обо всем, о чем рассказать было достаточно просто. Но не о самом важном *для меня.*

— Может быть, ещё хоть что-то…

Майкл задумывается: хмурит брови и буквально впивается взглядом в пол. Я знаю его достаточно хорошо, чтобы надеяться на то, что этот разговор, наконец, прояснит хоть что-то в жизни девочки, у которой когда-то очень давно была совсем другая жизнь. Хотя бы сущую мелочь. Мне бы хоть что-то, от чего я могла бы оттолкнуться…

— Мне всегда казалось, что их решение было спонтанным. — внезапно прерывает мои мысли Майкл. — Ну знаешь не спланированным, не взвешенным. Словно они и сами не ожидали, что вернуться в тот вечер с тобой. Словно со смертью той Тейлор в наш дом должна была прийти тьма. И она приходила, я отчетливо её помню. Она едва не сожрала нашу семью. Едва не разрушила то немногое, что тогда от неё осталось. Но как только ты переступила порог нашего дома, все изменилось. Для всех нас.

— И для меня, — шепчу тихо, нервно сминая трясущиеся от волнения пальцы.

Майкл накрывает их своей рукой, и мне, как и всегда, становится очень и очень тепло.

— Я постараюсь вспомнить что-нибудь ещё. А пока иди отдыхай, хорошо?

— Ладно, — выдыхаю, когда он нежно целует меня в лоб.

А когда уходит наверх, плотнее закутываюсь в плед, думая о том, что, возможно, моё темное прошлое просто не хочет, чтобы его с таким остервенением ворошили. Иначе почему ещё оно так упорно от меня скрывается?

***

Открываю глаза под знакомую мелодию из какого-то диснеевского мультфильма.

Да, это точно саундтрек из мультфильма. Причем популярного. Такие напевы трудно перепутать с другими. Хлопаю пару раз глазами, ловя себя на мысли, что скорее всего ещё просто не проснулась. Наверное, это что-то остаточное, потому что очень навряд ли малютка Спенсер включила бы мультик на полную громкость в пять одиннадцать утра. Да и Никки знает, как чутко я сплю, так что…

Убеждаю себя в собственных же мыслях ещё минуту, а затем стону, понимая, что звуки совсем мне не кажутся. Они реальны. *Мой кошмар* реален.

Откидываю в сторону одеяло и несусь в сторону лестницы, думая о том, что убью собаку Никки, если проказница

снова легла на пульт. Только вот, когда спускаюсь, замечаю, что Баффи мирно посапывает на диване в гостиной, а телевизор выключен. Зато мелодия отчетливо доносится с кухни вместе с голосом, который моментально узнаю.

— О-уэй, о-уэй… уходим к берегам, которых не знавал никто друго-о-ой. О-уэй, о-уэй... наш остров дорог нам, всегда вернуться сможем мы в дом родно-о-ой…

Сейдж Торрес, собственной-Его-Величественной персоной, стоит у островка в кухне в тренировочных серых спортивках и белой футболке с загадочной надписью *«Мауи»*и напевает ту самую песню, под трезвон которой я просыпаюсь пять минут назад. Когда он замечает меня, его лицо озаряет только ему одному свойственная улыбка. Такая, будто он самый счастливый кретин на всем белом свете.

— Эй, будешь яичницу и тосты?

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Готовлю завтрак, — усмехается придурок так, будто это самое нормальное, что он когда-либо делал в своей жизни.

Завтрак — да.

Но не в пять гребаных утра и не в нашем с Майклом доме!

— Я имею в виду, что ты делаешь *здесь*, — шиплю, отнимая у довольного Торреса лопатку, — пять утра, Сейдж!

— Сегодня пятница. Тебе разве не нужно на занятия?

— Я встаю в семь, — сквожу, а затем тапаю на экран его мобильного, выключая раздражающую музыку.

— Эй, чем тебе песня-то не угодила?

— В пять утра? Всем!

Сейдж усмехается, а я стреляю в него испепеляющим взглядом и разворачиваюсь, чтобы отправиться наверх и мирно доспать необходимые мне два часа. Спорить с представителем всего самого плюшевого в этом мире — меньшее, чего мне хочется в такую адскую рань. Не знаю, как Никки и Майкл до сих пор терпят его утренние визиты, потому что на их месте я бы давно убила Торреса и закопала тело на заднем дворе.

Когда прохожу мимо входной двери, та неожиданно открывается, и на пороге возникает моя невестка. Никки закатывает в дом коляску, а затем улыбается, заметив меня.

— Доброе утро, уже встала?

— Я не…

— Эй, тыковка, я приготовил яичницу и тосты! — кричит с кухни Сейдж.

— Ты мой спаситель, Здоровяк! — улыбается моя невестка, и я отчетливо слышу, как довольно хмыкает придурок. Отлично. Потешьте его самолюбие ещё. — Обожаю этого парня. Не знаю, как справлялась бы без его помощи.

— Правда? То есть… неужели тебя не бесит, что он приходит к вам в такую рань и… готовит завтрак? — Боже, это даже звучит, как полнейший абсурд.

— Наоборот. Меня это очень сильно выручает. Спенсер почти не спит дома, поэтому я подолгу гуляю с ней на улице.

Воздух, пение птиц… это хоть как-то её убаюкивает. Если бы Сейдж не помогал мне с домашними делами, я бы давно сошла с ума. — выдыхает, и только сейчас впервые замечаю, насколько сильно Никки на самом деле вымотана. — И, кстати, за его завтраки можно продать душу, — добавляет шепотом, хотя я уверена, у придурка Торреса для этого слишком мощные локаторы.

— Мы ведь договаривались, что сегодня с ней гуляю я, — выдыхает Майкл, сбегая с пролета второго этажа. Он целует в волосы меня, затем Никки. — Тебе нужно поспать.

— Я в порядке, — улыбается она, прикрывая глаза и наслаждаясь близостью мужа. — К тому же не я сейчас из кожи вон лезу, чтобы подготовить команду к региональным.

— Я всё ещё сомневаюсь, что это удачная затея, — хмурится он. — Уехать *сейчас* и оставить тебя одну…

— Мы уже обсуждали это, — выдыхает Никки. — Вы с Сейджем заслужили шанс побороться за квалификацию. Вся команда заслужила.

— Я согласен с Майклом, тыковка, — вздрагиваю, когда сзади меня внезапно появляется Торрес, — мне тоже не нравится мысль, что мы так надолго уедем.

— Совсем ненадолго. Не драматизируйте, парни. — Никки закатывает глаза и, оставив мою племянницу досыпать в коляске, проходит в кухню. — Это всего на несколько недель. К тому же я уже договорилась с Селией, она поживет необходимое время у нас.

— Селия — твоя ученица? — встреваю, и Никки утвердительно кивает.

— Ей семнадцать, — хмурится Майкл.

— Ну и что? Ей нужны частные уроки и деньги на колледж. Я смогу учить её, а она будет помогать мне со Спенсер. Это называется взаимовыгодное сотрудничество.

— Это по-другому называется, — он был явно недоволен подобным раскладом.

Я знала, как сильно мой брат разрывается между семьей и командой. Регби, а в особенности «Бобры», были и до сих пор остаются важной частью его жизни. Но Никки и Спенс заняли в нем куда более ценное место. Ему было сложно. Это была почти ежедневная и непрекращающаяся борьба с собой, своей совестью и долгом. Но Никки удавалось каким-то образом сохранять между ними баланс. Боюсь даже предположить, какую гигантскую работу эта чудо-женщина проделывала изо дня в день. Как поддерживала ребят и как боролась с собственными усталостью и стрессом.

«Бобры» ехали на самую важную серию матчей в своей жизни. Региональные чемпионаты — это огромный шанс для любого клуба. Шанс показать себя и получить реальный билет на отборочные. Шанс зубами вырвать для своей страны победу. А затем и шанс попасть на реальный Кубок мира. Тот самый шанс, ради которого Майкл, Сейдж, Аарон и остальные ребята пахали, как проклятые, понимая, какая огромная ответственность на них лежит.

И мы с Никки тоже это понимали.

После завтрака, во время которого в меня буквально насильно выпихивают домашний кекс без муки и сахара — новый кулинарный шедевр Сейджа — вызываюсь погулять с Баффи. В запасе ещё не меньше часа, а уезжать, как ни странно не хочется. Я люблю этот дом, но жить в нем всегда было невыносимо. Он напоминал о родителях, о каких-то моих несбывшихся мечтах, о жизни, которая в один момент резко и навсегда изменилась. Но сегодня, сейчас, мне так хорошо и спокойно *здесь*, в этом доме, в его окрестностях, что я вдыхаю чуть прохладный утренний воздух чуть ли не с детским удовольствием, как будто бы мне снова шесть и всё так же, как раньше.

Мобильник в кармане вибрирует, и на загоревшемся экране всплывает целая карусель непрочитанных сообщений.

Трой: *где ты, детка?*

Трой:*вернулся в наше гнездышко, а тебя нет.*

Трой: *только не говори, что ты обиделась!*

Трой:*брось, сладкая, я ведь всё тебе объяснил…*

Трой: *возьми трубку, не веди себя, как ребенок.* — следует после пяти пропущенных звонков и ещё десятка сообщений, которые даже не читаю.

Не то чтобы я нарочно игнорировала своего парня, просто телефон всё это время был наверху, а идти за ним до ужаса не хотелось. Ну и, сказать по правде, я всё ещё была обижена на Троя. Он сделал мне больно. И самое поганое — считал

это пустяком, из-за которого любящие люди не ссорятся. По его мнению, я перегибала палку. А я…

Почувствовав мелкую морось, обнимаю себя руками и прикрываю глаза, подставляя лицо каплям. Я люблю дождь. Люблю его прохладу, ласку и свежесть. Люблю его запах. А ещё это ни с чем не сравнимое ощущение грядущего, будто дождь в самом деле предвестник больших перемен.

— Ну ладно Баффи, но ты-то должна понимать, что ещё пара минут, и ты вся насквозь промокнешь, — слышу насмешливое у уха, а затем чувствую, как Сейдж набрасывает мне на плечи кожанку.

— Не ледышка, не растаю.

Хотя, по правде говоря, с Торресом я именно ледышкой себя и ощущаю.

Он заботится обо мне чуть ли не с детства, чуть ли не так же трепетно, как мой брат, а я веду себя с ним, как…

Стерва?

Причем редкостная.

— Эй, девочка, ко мне, давай, — свистит Сейдж, а когда Баффи подбегает, бросает ей палку.

Вдыхаю поглубже, понимая, что запах кожанки перебивает, казалось, сильный запах дождя. Мягкий. Чувственный. Что-то ощутимо будоражащий внутри. И я осознаю, что мне хочется затягиваться им без перерыва. Запахом парня, которого большую часть времени я на дух не переношу. Который следует за мной, как рыба-прилипала. А ещё постоянно учит

жизни, в которой сам едва ли эксперт. Безумие, разве нет?

— Мак сказал, вы с Джонсоном поругались.

Поворачиваюсь к Сейджу, но как ни странно, не вижу в его глазах насмешки. Наши ссоры с Троем разве не его влажная мечта?

— Ты не назвал его мудаком, это прогресс?

— Я просто пытаюсь быть милым, — хмыкает, срывая с дерева лист, — но совру, если скажу, что не считаю его дерьмом, которое обращается с тобой по-скотски.

— Трой просто пытается устроить свою жизнь. Было бы глупо рисковать карьерой из-за одного выходного, — усмехаюсь, бросая на Сейджа взгляд. — Ну вот скажи, ты бы рискнул тем, что имеешь и чего еще можешь достичь? Спортом? Командой?

— Ради тебя — да, — отвечает уверенно. Так, словно это самая простая истина в жизни. Словно иных вариантов быть и не могло. И это больно. Больно потому, что хоть и не показываю этого внешне, сердцем понимаю, что Трой бы ни за что ради меня не рискнул. Не *своей* жизнью, ради которой он так много вкалывает. Не своим комфортом.

— Будем считать, что в тебе говорят родственные чувства, потому что иначе я не могу объяснить эту милую, но глупость, — отвечаю с улыбкой и пока Сейдж не сказал ещё что-то, что я так хотела бы услышать от парня, с которым строю быт, зову Баффи, и мы возвращаемся домой.

Наверху принимаю душ и переодеваюсь в старые вещи,

которые при переезде оставила здесь на подобный случай. Стараюсь не думать о словах Сейджа, но они как вирус — бьют в голову и стремительно распространяются по организму, вытравливая из него все причины и аргументы, которыми я лишь сегодня утром оправдывала Троя.

Он не способен на жертву ради тебя. Не способен. Не способен. Не способен. Эгоист. Влюбленный только в себя. Очнись, Тейлор. Ты не важна ему так, как должна быть важна…

— Всё не так, — продолжаю усердно мотать головой, хотя ей же и понимаю, что моя сказка в реальности совсем не такая, какой я хочу, чтобы она была.

— Эй? — голос брата выбрасывает из неприятных мыслей, и я будто по щелчку поднимаю на него взгляд. — Порядок?

— Да, — вру и готова язык себе оторвать за это. Особенно после того, как мы с Майклом договорились: *больше никаких секретов*. Кроме разве что очень глубинно личных. Этот ведь можно считать таковым?— Ты не видел Сейджа? Он обещал подбросить меня до университета.

— Он уехал.

— Уехал?

— Дела. — коротко поясняет мой брат, а затем ставит кружку с недобитым кофе на стол и снимает с крючка куртку. — Я подвезу. Мне все равно нужно в город.

— Ладно, — соглашаюсь, забирая с тумбочки в прихожей

ключи, — но твою ласточку сегодня поведу я.

Глава 5

POV Тейлор

В двери университета захожу практически за час до занятий. Знаю, что профессор Фальк приходит примерно в это же время каждый день кроме среды, поэтому сразу направляюсь к нему, чтобы сказать, что сделала невозможное, но самое главное — уговорила на это невозможное своего брата.

Обычно в кабинеты к преподавателям стучатся. Особенно во внеурочное время и особенно, когда ты студент. Но вчерашняя ссора с Троем и сегодняшние слова Сейджа так выбивают из привычной колеи, что, не подумав, я просто распахиваю дверь и без разрешения вхожу внутрь. Мне требуется всего секунда, чтобы до измученного мозга долетел слабый визг, который заставляет поднять глаза. И, боже, лучше бы я их не поднимала. А ещё лучше — не приезжала бы сегодня так рано и не врывалась на кафедру без стука.

— Т-тейлор, это на то, что вы п-подумали, — заикается Фальк, поправляя съехавшие на переносицу очки.

А я уверена, что поняла всё правильно.

Аманда Кэмпбелл — единственная и горячо любимая дочка ректора, королева Рейерсона и его самая отъявленная стерва — наспех застегивала свою коротенькую кофточку, пряча грудь, которую ещё минуту назад без стыда сжимали

руки профессора Уилоуби. Черт возьми, я попала в какое-то дерьмовое телешоу!

— Тейлор…

— Простите, — поджимаю губы и вылетаю из преподавательского кабинета, пока не вляпалась сильнее.

Хватит и того, что я уже знаю больше, чем должна! А я уверена, что так и есть. Потому что навряд ли ректор Кэмпбелл в курсе разворачивающейся за его спиной драмы. Его дочь и его преподаватель по истории современного искусства? Это даже представить трудно, не то, что развидеть!

В любом случае, желанием влезать во всю эту Санта-Барбару я не горю. Именно поэтому весь день, насколько могу, избегаю Фалька. Слава Богу, занятий по его предмету у моей группы сегодня нет, ну а сообщать ему о том, что Майкл заедет… черт с ним. Если подумать, это не так уж и важно.

После занятий, наверное, впервые за сегодня *(не считая утра)* беру в руки телефон. И то только потому, что чувствую, как он вибрирует в сумке. Две контрольных и три сумасшедших лекции дают о себе знать. Ну и нельзя забывать про мои маленькие перебежки между занятиями, во время которых я ощущала себя скрывающейся от полиции преступницей. Хотя правила нарушала точно не я…

Трой: *детка, это уже не смешно, ответь.*

Трой: *ты перегибаешь палку.*

Закусываю губу, понимая, что, наверное, действительно перегибаю. В конце концов, я ведь люблю Троя. Дорожу на-

шими отношениями. И он тоже ими дорожит, так? Иначе разве стал бы так настойчиво мне писать? Собираюсь ответить, но внезапный голос Молли вклинивается между мной и моим желанием.

— Ты ела?

— Мм… нет. Не успела.

Вместо ответа она хватает меня под руку и тащит вниз по лестнице, как можно дальше от здания университета. Мы заходим в нашу любимую кофейню под милым названием «Бон-Бон» и находим самый дальний, но безумно уютный столик у окна. Заказываем два кофе с мороженым и два синнабона, и я, наконец, расслабляюсь. Ненадолго…

— Аманда сегодня весь день какая-то дерганая, — Молли пододвигается ближе и подпирает руками лицо. — Наверное нервничает, что на сегодняшней вечеринке не единственная будет без белья.

Не знаю, почему, но в голову мгновенно закрадывается мысль о том, что меня пронесло, потому что я зашла *не в самый неудобный* момент. Ведь всё могло бы быть куда хуже, зайди я минут на пять позже…

— Эй, — Моли щелкает пальцами перед моими глазами, — прием-прием, земля вызывает воздух.

— Мм?

— Где ты витаешь?

— Нигде.

Молли наклоняет вбок голову, и вот тут-то и начинается

самое интересное. Я правда не собиралась рассказывать об увиденном утром. Мне это не нужно. И я в принципе не выношу сплетен. Но знаете, в чем состоит проблема? Моя подруга долбанный супер-сканер. Она насквозь меня видит и не важно, во что я при этом одета: в купальник или в скафандр. Ей плевать. Она лучшая. Так что под её цепким детектор-взглядом я сдаюсь, даже не пытаясь сопротивляться.

— И ты целый день молчала?!

— Я даже вспоминать об этом не хочу, тем более — говорить, — шепчу, оглядываясь.

— Черт, да эта новость взорвет социальные сети! Так и вижу горячий заголовок: *«дочка ректора спит с престарелым профессором ради баллов»*.

— Молли!

— Да шучу я. Хотя сучке не помешает надрать тощий зад.

С чем очень трудно не согласиться.

Прикончив гигантские синнабоны и насмеявшись от души мы с Молли договариваемся встретиться у её дома в половину восьмого и вместе поехать к Заку. Вечеринки Уайта преимущественно ночные, а вход на них, скажем так, любезно и для каждого открыт. Этот популярный парень любит шум и веселье, а ещё приветствует грязный секс, лёгкие наркотики и дорогой алкоголь. Поэтому тусовки, которые он устраивает всегда на главных страницах в закрепе всех пабликов и каналов. И *после* них ещё долго и с восхищением говорят.

Пока еду до дома, думаю о том, что, наверное, *не*хочу идти к Заку и проводить целую ночь в кругу людей, которых не знаю. Хотя ещё год назад, не задумываясь, улизнула бы из дома, предвкушая полную свободу от запретов.

Прикусываю губу и достаю мобильник, чтобы написать Молли, что сегодняшнюю вечеринку, пожалуй, пропущу. Мне хочется избавиться от белья, но не для того, чтобы удовлетворить Уайта, а для того, чтобы забраться в горячую ванную, а после — включить какой-нибудь жуткий фильм и налопаться любимых бургеров с картошкой фри, с наслаждением запив всё колой. Уже набираю сообщение, как вдруг замок с внутренней стороны отщелкивает и дверь открывается прямо перед моим носом. Замираю с телефоном в руках и моргаю, когда на пороге квартиры возникает обнаженный по пояс Джонсон.

Не то, чтобы присутствие моего парня *здесь*удивляло, я ведь именно для этого и дала ему запасные ключи, просто Трой все уши прожужжал про то, что вместе со съемочной командой уедет на все выходные в Ньюфаундленд, так что мозг ещё несколько часов назад автоматом посадил его на самолет до одного из самых романтичных и загадочных мест Канады, в котором я с детства мечтаю побывать. И Трой отлично об этом знает.

— Э-эм, не думала, что ты ещё здесь, — первое, что произношу после повисшей между нами паузы. — Съемки ведь не отменили?

— Не отменили. Рейс через два часа.

Киваю и прохожу в квартиру, замечая дорожную сумку Троя из натуральной коровьей кожи, на которую в прошлом месяце мы потратили почти все наши сбережения. Скидываю кроссовки и вешаю на крючок куртку, ловя себя на мысли, что нужно было сразу оставить её у Мака, чтобы не вызвать лишних вопросов, но…

— Чья это кожанка?

— Майкла, — вру, потому что правду Трою лучше не знать. Он собственник. Жуткий. Из тех парней, которые ревнуют к каждому уличному столбу. И даже тот факт, что Сейдж вырастил меня, как сестру, не поможет избежать очередной бурной сцены, которая нам обоим сейчас совершенно ни к чему.

На ходу стягиваю через голову футболку и точным броском отправляю её в корзину.

— Я писал тебе. Оставил около двадцати сообщений. Ты не ответила ни на одно.

— Я злилась на тебя, Трой. Это очевидно, разве нет?

— Очевидно? — усмехается, следуя за мной в ванную. — На что, Тейлор? На то, что я вкалываю, как проклятый, чтобы нам было, чем платить за квартиру?

Не беря во внимание тот факт, что за квартиру всегда плачу я. Например, из тех самых денег, которые откладываю, когда всё лето и дважды в неделю, начиная с сентября, помогаю с бумажной работой на кафедре. Тех самых, которые

мы тратим на костюмы и парфюм для Троя. Ну или на очередную неоправданно дорогую безделушку, вроде кожаного футляра для ключей или дурацкой ковбойской шляпы.

— Ты ведешь себя, как капризный ребенок.

Хмыкаю, надеясь, что Джонсон остановится, потому что, если нет, то грянет страшная буря.

— Тейлор! — кричит. Но слова ударяются о дверь, которой хлопаю перед его идеальным аристократическим носом.

Поворачиваю краник и, чтобы не слышать больше ни слова, делаю напор сильнее. Вода брызжет во все стороны, но как же мне на это плевать. Стискиваю пальцами края раковины и глубоко выдыхаю, понимая, что с каждым днем жизнь с Троем становится всё невыносимее. У нас давно не ладится. Мы перестали слышать друг друга. У нас разные мечты и цели. Восприятие мира в принципе. Но тот самый капризный ребенок внутри меня не хочет признавать правду, продолжая упорно верить в то, что скоро всё будет по-другому. Нужно лишь немного усилий и терпения, и мы заживем так, как я всегда себе представляла.

Настрой на горячую ванную и картошку фри улетучивается, как по щелчку, поэтому просто принимаю теплый душ и смываю с лица косметику. Когда выхожу из ванной, Трой сидит на диване в гостиной, одетый в белые джинсы и рубашку в стиле кэжуал, вальяжно привалившись к спинке, и улыбается, смотря какое-то видео в телефоне. Он даже не замечает, как я выключаю воду. Нет, не так. Он даже *не хо-*

*чет*этого замечать.

Усмехаюсь и, надев шелковый домашний комплект, который на прошлое рождество подарила мне Никки, достаю бокал и откупориваю бутылку «Пино Гриджио», которую Трой приобрел в одной из своих рабочих поездок. Утаскиваю из холодильника уже нарезанный кусочками сыр и вываливаю к нему остатки конфет из коробки.

Бургеры, картошка фри и кола? Зачем, когда есть более приятная альтернатива?

Выпиваю залпом практически половину, с нескрываемым удовольствием закусывая вино шоколадом. Отправляю в рот ещё несколько кусочков сыра, ощущая, как одновременно с приятным послевкусием по венам разливается удивительно успокаивающее тепло.

— Что ты делаешь? — слышу и неохотно открываю глаза.

— Пью вино, не видишь?

— Решила прикончить бутылку в одиночку? — спрашивает, а я лишь неопределенно жму плечами, прислоняя бокал к губам. Взгляд Троя меняется, когда он замечает, *что*-это за бутылка. — Мы ведь договорились оставить её на особенный день.

— Правда? — хлопаю глазами, изображая совершеннейшую невинность. — Что ж, тогда сегодня именно такой день. Хочешь?

Знаю, что с огнем играю, но ничего не могу с собой сделать. Кажется, что, если выведу Троя на эмоции, это хоть

что-то между нами изменит. Но в итоге лишь ещё больше всё порчу, потому что мой парень — одно большое безэмоциональное бревно.

— Мне пора. Иначе опоздаю на рейс.

Усмехаюсь и залпом допиваю содержимое бокала. Наливаю ещё один, затем ещё и уже через каких-то десять минут ловлю себя на мысли, что буду полной дурой, если этим вечером останусь дома. Собираюсь ли я пойти на вечеринку к Уайту, на которую идти не хочу? О, да, ещё как! И оторвусь там, как тебе и не снилось, милый!

Я:*удачной дороги!*

Я:*и я соврала.*

Я:*кожанка не Майкла!*

Хмыкаю и, отправив сообщения, блокирую телефон и точным трехочковым бросаю его на кровать. Включаю свет в гардеробной, думая, что надену, попутно представляя перекосившееся от ревности лицо Троя, который вот-вот захлебнётся от злости.

Глава 6

POV Сейдж

«Койоты» начали атаковывать с первых же минут якобы товарищеского матча. *Зверски. Агрессивно. Безжалостно.* Полностью оправдывая своё звание «диких». Убитые постоянными тренировками, мы не только удивительно долго держим свою зачетную зону в обороне, но и ловко переводим игру на вражескую половину поля. Несмотря на это, на тринадцатой минуте, разыграв штрафной, Койоты, что б их, открывают счет. Их полузащитник Рэй Диксон мастерски приземляет мяч на нашей территории, перед этим спланировав сногсшибательную атаку, которая, уверен, ещё долго не сойдет с уст комментаторов и гребаных журналюг.

Мы были близки к ответу.

Несколько хреновых раз.

«Дикие» раз за разом нарушали правила, ловили карточки и плюхались на скамью, но это ни на йоту не уменьшало их силы.

— Они, блядь, зелье Панорамикса приняли или у придурков в кармане по криптониту? — рычит Мак. Его этот балет тоже не забавляет.

«Койоты» в меньшинстве. Двенадцать против пятнадцати. Самое время подобрать с поля сопли и с умом использовать преимущество. Занести три попытки, а лучше пять, без

промаха реализовав каждую. Окончательно прорвать оборону соперника, но… я буду мудаком, если не признаю — мы с позором проигрываем «Диким».

После второго перерыва на воду на двадцати минутах второго тайма, псы заносят ещё одну охренительную попытку, отыгрывая коридор в районе нашей двадцатиметровой линии и переводя мяч на веер. Короткая передача Деккеру. Попытка. Реализация. И плюс пять очков на табло в пользу «Бобров». К тридцатой минуте, всё-таки подобрав с поля сопли, существенно сокращаем разрыв. Но остаться на той же волне не удается. Буквально за несколько минут до конца матча Койоты заносят три эффективные попытки. И к тому моменту, как звучит свисток, «Дикие» громят нас — 44:57.

— Так и вижу гребаные заголовки: *«молодая команда сосунков, решившая, что может претендовать на Кубок, не выдержала проверки на скорость»*, — хмыкает Аврора.

А мне даже возразить нечего, потому что он прав. Мы не выдержали. Проиграли более опытной, но более возрастной команде, которую должны были превзойти если и не в мастерстве исполнения, то хотя бы физически.

— По-моему нам нужен отдых. Я серьезно, парни. Не знаю, как вы, а я уже месяц не тусовался, и это здорово ударяет по психике. Я эмоционально выгораю.

По раздевалке прокатывается волна максимально возможного при всем происходящем дерьме веселья, но, черт, нельзя не признать — в словах Хасслера больше истины, чем

в гребаном вине. Отдаваться одной только подготовке. Доводить себя тренировками до изнеможения, не спать и не зависать в местных барах, как раньше. Как бы по-женски это не звучало, эмоционально мы действительно иссушаемся досуха. А так и в могилу не долго загреметь. Или в психушку. И хрен его знает, что хуже.

— Как насчет незапланированного слета в Гроув?

— Я пас. — ретируется Дэрил. — У нас с Эшли годовщина. Веду её в ресторан.

— Ну хоть кому-то сегодня перепадет, — гогочет Хасслер, играя своими густыми черными бровями.

— Ага, если не облажается, — мрачно захлопывает шкафчик Деккер. — *Я*на прошлую нашу с Сарой годовщину заказал ей клубничный чизкейк, забыв, что у неё аллергия на хреновы клубни. В итоге всю ночь провел с ней в больнице, просрал деньги за ресторан и кольцо, на которое за месяц до этого потратил шесть гребаных заплат. «Риццо»его так и не вернули. Никогда не бронируйте столики в «Риццо».

— Чува-а-ак, — Зейн сочувственно хлопает друга по спине.

Парни подхватывают волну и уже через сорок минут мы всей гурьбой заваливаемся в Гроув. Сливаются только Дэрил и Ли. У последнего прямо во время матча начинает рожать жена, так что я удивлен, как он вообще держится с нами до нашего позорного конца.

Маккейн, придурок, тоже сопротивляется, правда лишь

первые пару минут до тех пор, пока лично не отпрашиваю его по телефону у Никки.

Ему нужно выдохнуть.

Нам всем это нужно.

Но моему лучшему другу особенно, учитывая, что на нем лежит *две*ответственности. Одна за команду, другая за семью. Не мне, болвану, рассуждать о тяжести его бремени, я мало, что в этой херне понимаю, но знаю, как сильно он старается. Как выкладывается на полную, пытаясь закрыть оба гештальта, преуспев и в одном деле, и в другом. Беря во внимание маленькую Спенсер и маячивший на горизонте Кубок, наверное, это слишком неподъемная для обычного человека ноша, но не мне об этом судить. Я просто помогаю, когда и чем способен. Хотя едва ли, если верить отцу, это сделает меня достойным его внимания сыном.

— Эй, вы только послушайте, — раздраженно хмыкаю, как обычно после матча, листая новостную ленту, — стервятники не дремлют. *«Канадские «Бобры» на встрече с легендами регби проиграли с позорным счетом. Прорехи в защите, работа с мячом и скорость нападения… паршиво было буквально всё. Если даже* дома*молодые гладиаторы «Бобров Торонто» не могут защитить свою честь, что же ждет их за его пределами?».*

—Неприятненько, — очень мягко выражается Чарли. Остальные же молчат, но говорить и не нужно, всё написано на лицах каждого из членов команды.

— Может, они правы? — прерывает возникшую тишину Аврора. — Может, нам в самом деле не место на соревнованиях такого масштаба?

— Ещё раз услышу что-то подобное и будешь месяц драить полы в раздевалке, — рычит Мак. — Мы пахали ради этого шанса годами. И мы ничуть не хуже «Койотов», просто сегодня у всех у нас паршивый день.

— *Весьма* паршивый, — ухмыляется Аарон, зная, что льет масло в итак полыхающий огонь. Но «командный дух» — это именно то, чего в последнее время так не хватает каждому из нас. — «Дикие» прилюдно надрали нам зад. Аврора прав, мы не готовы к игре в лиге.

Мак вскакивает со своего места, откидывая в сторону стул, Вудби следует за ним. Когда эти двое смотрят друг на друга *так*, все мы ждем как минимум возвращения гребаной Фионы[4]. Только с силой в стократ её превосходящую.

— Какого хрена ты творишь? — довольно скверно, но Мак ещё держит себя в руках.

— Говорю правду, которая у каждого здесь занозой в башке засела, — отвечает Аарон, приближая ту самую Фиону к её высочайшему пику. — Сегодня нас с наслаждением смешали с дерьмом. Выставили жалкими сосунками, которые недостойны даже называться спортсменами. Мы в гребаной заднице, Мак, и это понимают все, кроме тебя.

— Так может тогда тебе из этой задницы уйти? — хрипит мой друг, и я понимаю, что пора вмешаться, пока тихо рас-

качивающая нашу лодку «Фиона» не переросла в разъебавшую двадцать лет назад Новый Орлеан «Катрину»[5].

— Воу-воу-воу, кончайте, парни, — встаю между ними, ощущая себя недоделанным Акваменом, что решил обуздать сразу два атлантических циклона. — Не говорите того, о чем оба пожалеете.

— Я сказал то, что думаю, — продолжает Мак, — если Аарону так стыдно быть частью команды, он может валить из нее на хрен. Мы отлично справимся и без него.

«Фиона-Катрина», твою же ж мать…

Вудби усмехается, а затем достает из кармана бумажник и бросает на стол двадцатку.

— Как угодно Его Величеству.

— Вуд… — Аврора пытается вмешаться, но, как и все мы, понимает, что уже не обуздает стихию. Ураган подобный силы неминуемо повлечет за собой разрушения.

— Вот и *расслабились*, — слышу прежде, чем оттаскиваю друга от столика.

— Какого хрена это было? — теперь рычу уже я.

Я говорил, что когда злюсь, то это абсолютно не мило?

— Мне не нужны те, кто чинит на корабле бунт.

— Бунт? — хмыкаю. — Аарон просто высказал то, что волнует его. Черт, да всех нас! Не поверю, что ты не переживаешь за региональные. Что не сомневаешься в команде.

— Никогда, — выплевывает Мак, и его глаза свирепеют, — я никогда не сомневаюсь в команде. Потому что если со-

мневается капитан, то вся затея не имеет смысла.

— Она не имеет смысла без Вудби, Мак. Без лучшего хукера за всю историю команды и нашего друга.

И последнее — ключевое.

— Мы шли к этому вместе. И ехать на соревнования *без* него, значит похерить почти восемь лет дружбы, перечеркнув всё, через что мы плечом к плечу прошли.

— А что мы прошли, Техас? Может то, что он спал с Ванессой, когда мы ещё встречались? Или то, что таскал Тейлор на вечеринки, потакая её капризам? Или, может, то, как пытался сблизиться с Никки, прекрасно зная, что я в неё влип? Что из этого, по-твоему, значит *«похерить дружбу»*?

— Это значит выбросить человека из команды за то, что он осмелился сказать вслух правду, — знаю, что могу достучаться до Мака, потому что, что бы между ними с Вудби не происходило, они всегда оставались командой. И сейчас, во всем этом, как выразился Аарон, дерьме, были нужны друг другу больше, чем полагали.

Собираюсь начать свою пламенную речь про дружбу, жвачку и прочую ерунду, но мобильник в кармане вибрирует. Я отвлекаюсь, а Маккейн, придурок, пользуется этим, чтобы вернуться за стол.

Молли: *Мистери-Лейн, 24.*

Адрес? За кой черт Аллен скидывает мне адрес?

Молли:*SOS!*

Нахмуриваюсь и включаю быстрый набор, ловя себя на

мысли, что мне всё это ой как не нравится. Молли влипает в неприятности крайне редко и только в единственном случае — когда на свою безответственную задницу их находит Тейлор.

Первое, что слышу, когда девчонка отвечает — до крови из ушей громкая музыка, дикие визги и мат. Много, очень много мата. В купе с орущей в баре плазмой, на экране которой транслируется игра, это охренеть какой взрывной коктейль. Молли пытается перекричать всю эту сатанинскую оргию, но её голос теряется на фоне тяжёлых басов. А то, что мне удаётся расслышать, вынуждает каждый мускул на теле напрячься.

— Какая ещё на хрен вечеринка? Молли, черт, найди место потише.

— У Зака! — кричит после недолгой паузы, за время которой вопли становятся чуть глуше. — У него дома! Без нижнего белья! Тейлор очень сильно напилась, Сейдж! Я её даже до дивана не смогу дотащить, не говоря уже о такси!

— Без… — едва сдерживаюсь, чтобы не возмутиться вслух. *Тейлор. Без белья. Моё воображение без билета улетело в Лас-Вегас.* — Какого черта вы туда поперлись?

— Уайт нас пригласил! К тому же, мне нужен был материал для университетской газеты, а Тейлор в очередной раз поссорилась с придурком Троем, так что…

Она могла бы остановиться на том маленьком факте про бельё, которого, как мне думается, не было на них обеих, по-

тому что уже после этого я летел к машине, как бешеный, зная, что как только найду Лори, без сожаления задушу собственными руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.